

Сидоренко Н.С. Патриотические настроения в тыловых территориях в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг. (на материале Урала) // Памятники российского права в 35 т. Т. 20: Памятники права в период Первой мировой войны 1914–февраль 1917 г. : учебно-научное пособие. - М., 2016. - С. 305-319.

ПАТРИОТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ В ТЫЛОВЫХ ТЕРРИТОРИЯХ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (НА МАТЕРИАЛЕ УРАЛА)

В отечественной историографии рубежа XX–XXI вв. наблюдается повышенный интерес к исследованию истории России в условиях Первой мировой войны. Возвращается восприятие ее как Великой, оказавшей существенное воздействие не только на ход дальнейшего развития России, но и Европейской цивилизации. Внимание к данной проблеме обусловлено как необходимостью дальнейшей научной проработкой проблемы, так и растущим осознанием ответственности государств и народов в деле поддержания мира и социального равновесия. Опыт войн и революций XX века дает урок, который необходимо усвоить человечеству. Практическая значимость темы определяет и степень научной активности исследователей, круг проблем, требующих изучения¹.

Характерной чертой исследовательской ситуации начала XXI в. является рост научных публикаций на основе расширения доступа к источникам, расширение проблематики исследований, использование разнообразных методологических подходов в изучении истории России периода Первой мировой войны, в том числе за счет привлечения иностранной литературы.

Одним из активно разрабатываемых направлений является исследование общественной стороны жизни военного общества: его сознания, представления о войне и мире, массовая психология, социальное поведение. Данная проблематика получила развитие в рамках истории политических партий и движений, в работах Н.Г. Думовой, Г.Г. Касарова, С.В. Тютюкина, Ю.И. Кирьянова, С.А. Степанова, В.В. Шелохаева, ряде коллективных монографий, выполнены с критическим учетом предыдущего историографического опыта². Глубокому научному анализу подвергнуты идеология и тактические приемы партий в условиях Первой мировой войны, внесены существенные коррективы в представления о

¹ См. Козенко Б.Д. Отечественная историография Первой мировой войны // Отечественная история 2001. № 3. С. 3–27; Виноградов В.Н. Еще раз о новых подходах к истории Первой мировой войны // Новая и новейшая история. 1995. № 5. С. 62–74.

² См. Думова Н.Г. Кадетская партия в период Первой мировой войны и Февральской революции. М., 1988; Касаров Г.Г. Непролетарские партии России в июле 1907 – феврале 1917 гг. Гомель, 1991. Вып. 2; Тютюкин С.В. Меньшевизм: страницы истории. М., 2002; Кирьянов Ю.И. Правые партии в России. 1911–1917. М., 2001; Степанов С.А. Черная сотня в России (1905–1914 гг.). М., 1992; Модели общественного переустройства России. XX век / Отв. Ред. В.В. Шелохаев. М., 2004 и др.

социальном составе и численности партий. Наиболее полно исследования менталитета, массовой психологии и социального поведения массовых социальных групп российского общества, а также средств идеологического воздействия власти на общественное сознание, получили в работах Е.С. Сеньявской³, О.С. Поршневой⁴.

Результаты исследований позволяют создать более объективную картину мира российского общества и анализа причин смены вектора развития в феврале 1917 г. Тем не менее, вопрос о связанности войны и революции, остается по-прежнему в центре внимания отечественной историографии⁵. Наряду с исследованием объективных факторов, наиболее интенсивно исследуемых в советской исторической науке, возрастает внимание к изучению субъективных – без политической заданности, с учетом всего разнообразия их форм и проявлений. В иерархии данных факторов существенное место принадлежит анализу патриотической составляющей общественного сознания и соответствующего поведения масс.

В советской историографии данная проблема не получила разработки, считалась «идеологически вредной». Господствовало положение о том, что у рабочих эксплуататорского государства нет отечества, и, следовательно, не может быть патриотизма. Из советской историографии был исключен термин «Вторая отечественная война», который до 1917 г. был широко распространен не только в печати, но и в представлениях населения России. В тех работах, в которых, так или иначе, затрагивались вопросы российского патриотизма времен Первой мировой войны, он характеризовался через противоборство двух мнений. Первое если не отрицало патриотизм, то считало его «псевдопатриотизмом», используя такие клише как «квасной», «шовинистический»⁶. Другое – идеализировало и приукрашивало его. В историографии 1960-х – 70-х годов вопросы патриотических настроений рассматривались преимущественно в рамках проблемы функционирования политической системы царизма.

На современном этапе отечественной историографии одним из первых проблему о соотношении патриотических и революционных настроений масс в России на разных этапах войны и роли данного фактора в вызревании политического кризиса поднял С.В. Тютюкин⁷. Он отметил

³ См Сеньявская Е.С. Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; Первая мировая война; история и психология. Материалы всероссийской научной конференции. СПб., 1999; Человек на войне. Историко-психологические очерки. М., 1997.

⁴ См. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны (1914 – март 1918 г.). Екатеринбург, 2000. С. 323.

⁵ См. Февральская революция в российской истории. «Круглый стол» // Российская история. 2007. №5. С. 30.

⁶ См. М.Н. Покровский Империалистическая война. Сб. статей. М., 1934; История гражданской войны в СССР (1917–1922). М., 1938. Т. 1. С. 9.

⁷ Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 236–241.

подъем национального сознания российского общества под влиянием военной угрозы. В то же время, показал специфику российского менталитета с его глубоким социокультурным расколом, что, в значительной степени препятствовало национальному единению и интеграции общества в единый лагерь в военный период. Критически оценивает он и политику правительства, которое не сумело воспользоваться выданным ему кредитом доверия⁸.

Определенный вклад в осмысление проблемы патриотизма в годы первой мировой войны внесли исследования по истории отдельных политических партий и социальных групп периода Первой мировой войны⁹. Г.Г. Касаров, анализируя характер рабочего движения, высказался критически по отношению к оценке советской историографии относительно уровня его политизации и организованности, антивоенной составляющей. Он отметил, что значительное место в рабочем движении в годы войны занимали уличные выступления против дороговизны, «немецкого засилья», дефицитов и обнищания в форме погромов, стычек с полицией, разгромов лавок и магазинов и т.д., к которым присоединялись и солдаты, призванные подавлять «бунт»¹⁰.

Ю.И. Кирьянов внес существенные коррективы в представление о количестве и практике деятельности правомонархических организаций накануне и в ходе Первой мировой войны и пришел к убедительному выводу: «В то время как радикалы и либералы выстраивали в своих планах различные конструкции нового государственного строя России, правомонархические партии при молчаливом несогласии с происходившими в стране изменениями стремились сохранить существующий порядок целиком или, по крайней мере, с минимальными изменениями»¹¹. В то же время, Ю.И. Кирьянов показал тенденцию «корректировки» менталитета в рабочей среде в пользу социально более активных рабочих, которые выразились, в первую очередь, в изменении представлений о способах улучшения своего положения, отношении к самодержавно-полицейским порядкам, к леворадикальным партиям и в стремлении к организации¹².

В последнее десятилетие в советской историографии появляются исследования, посвященные анализу патриотических настроений российского общества в годы Первой мировой войны. Заслуживает

⁸ См. Шубин Н.А. Историография истории России в годы Первой мировой войны в 1985–2000 гг.: Дисс. ... док. ист. наук. М., 2001. С. 171.

⁹ См. Г.Г. Касаров Московские рабочие в годы первой мировой войны (июль 1914 – февраль 1917 гг.) М., 1996; Ю.И. Кирьянов Рабочие России и война: Новые подходы к анализу проблемы // Первая мировая война. Пролог XX в... С. 432–445; Он же. Массовые выступления на почве дороговизны в России (1914 – февраль 1917 г.) // Отечественная история. 1993. № 3. С. 3–18.

¹⁰ Кирьянов Ю.И. Рабочие России и война... С. 432–439.

¹¹ Кирьянов Ю.И. Правые партии в России... С. 302.

¹² Кирьянов Ю.И. Менталитет российского рабочего в начале XX в. // 1905 год – начало революционных потрясений в России XX века. М., 1996. С. 92–108.

внимание исследованию Е.Д. Борщукковой. На основе критического анализа предшествующей литературы и привлечения широкого круга новых источников, автор раскрыла основные формы проявления патриотизма. Определяя значение данного феномена в условиях военного времени, автор отмечает: «С началом войны российский патриотизм стал не менее ценной составляющей боевого потенциала страны, чем боевая техника, вооружение, боеприпасы и продовольствие»¹³.

Патриотизм как феномен военного времени предстает как сложное и неоднородное явление. В нем проявляется как минимум два основных начала: патриотизм государственный, связанный с осуществлением политики Российской империи, и народный, возникший на волне противодействия вражескому вторжению. Многозначно и его содержание: в нем отражаются позиции, настроения, взгляды различных групп населения, которые не являются статичными, они динамичны, что позволяет рассматривать его историчным по своей сути.

Исследователи обращают внимание на социокультурный раскол общества, который не смог обеспечить устойчивого национального единения и интеграции трудящихся в жизнь общества, подобно Западу¹⁴. И.В. Купцова отмечает, что уже в 1914 г. в среде интеллигенции четко обозначились два лагеря – патриотов и пацифистов¹⁵, и что потенциал разногласий между ними не только не уменьшался, но возрастал в ходе войны.

Отсутствие ясности и дефицит общенационального консенсуса относительно стоящих перед Россией задач выдвигается в качестве одной из главных причин поражения России в войне как антигерманской, несмотря на ее популярность в исследовании О.Р. Айрапетова¹⁶.

В осмыслении проблемы патриотизма российского общества в условиях Первой мировой войны, представляет интерес сравнительно-исторический подход, позволяющий выявить общее и особенное в развитии данного социального феномена воюющих стран. В монографии А.И. Уткина I Мировая война (М. 2001), выполненной в рамках концепции Великой войны, содержатся сведения об отношении общества, отдельных его групп к войне. Автор, отмечая крайнее напряжение сил и усталость воюющих сторон к концу 1916 г. вследствие затяжного характера вооруженного конфликта, тем не менее, отмечает, что во Франции хотя и ослаб, но еще был ощутим жертвенный патриотизм, «Священный союз» политических партий был сохранен. В Германии национальная решимость

¹³ Борщуккова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны: Дисс. ... к.и.н. СПб., 2002. С. 5, 23.

¹⁴ Тютюкин С.В. Первая мировая война и революционный процесс в России (Роль национально-патриотического фактора) // Первая мировая война. Пролог XX века. М., 1998. С. 236–241.

¹⁵ Купцова И.В. «Когда пушки стреляют, музы молчат...?» (Художественная интеллигенция в годы п.м.в.) // Клио, 1997. № 1. С. 109.

¹⁶ См. Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801–1914). М., 2006. Т. I. С. 56–57.

была налицо: лозунгом страны становится «durchhalten» – продержаться. Критическим явился третий год войны, охарактеризованный автором периодом «мятежей 1917 года». При этом обращает внимание тот факт, что «массовое признание невероятной и неоправданной жестокости войны» было остановлено во Франции только жесткими мерами правительства, включая вынесение смертных приговоров¹⁷. Внутриполитическое положение России, идейная и нравственная позиции российской элиты характеризуется им через оценку посла Дж. Бьюкенена как кризисные: «легкость мыслей русских с трудом воспринималась основательным британцем»¹⁸.

Неэффективными оцениваются меры правительства и общественно-политических организаций по поддержанию патриотических настроений и Борщукковой. Автор приходит к выводу о том, что идеологическое обеспечение войны было проиграно, меры правительства «не дали результатов, хотя силы и средства были затрачены значительные»¹⁹.

Дальнейшее изучение проблемы проявления патриотизма в годы Первой мировой войны актуализирует переход на региональный уровень исследований, который позволит выявить все многообразие форм проявления патриотических настроений российского общества, их изменение и факторы, обусловившие эту динамику.

В данной статье предпринята попытка проанализировать формы и содержание проявлений патриотических чувств региональной тыловой территории и действия местных органов власти и управления, общественно-политических сил по их поддержанию на материалах Урала, который был представлен четырьмя губерниями – Вятской, Оренбургской, Пермской и Уфимской. В совокупности регион составлял шестую часть площади страны и около 10% ее населения²⁰. Его геополитическое положение и экономический потенциал определяли значительную роль в обеспечении военной продукцией и снабжении армии всем необходимым. В военных условиях на губернские власти, органы местного самоуправления и действующие предприятия были возложены ответственные задачи по мобилизации материальных и людских ресурсов и резкого наращивания объемов выпуска военной продукции.

Историками последних десятилетий проделана большая работа по изучению работы уральского тыла в годы Первой мировой войны, которая позволяет отойти от изложения событий данного периода по заранее заданной схеме, ориентированной на излишнюю политизацию и предопределенность и дать более объективную оценку вклада региона в обеспечение обороноспособности страны в рассматриваемый период.

¹⁷ Во Франции 3427 раз созывались военные трибуналы, и 544 солдата были приговорены к смерти (казнены были 49) // См. Там же. С. 317.

¹⁸ См. Уткин I Мировая война. М., 2001. С. 311–312.

¹⁹ См. Борщукова Е.Д. Указ. Соч. С. 7.

²⁰ Полное географическое описание нашего отечества (Урал и Приуралье). Пг., 1915. Т. 5. С. 3–16.

Полученные результаты позволяют говорить о существенном значении фактора патриотизма, сплотившем представителей различных социальных групп общества в стремлении к победе и скорейшему завершению войны.

Вопрос развития патриотизма рассматривался высшим политическим и военно-политическим руководством страны как дело государственной важности. Используя благоприятные факторы, местные власти всячески содействовали поддержанию в народе патриотических и верноподданнических настроений. Начальный этап войны, связанный со всплеском стихийного патриотизма, позволил губернским органам власти в целом успешно справиться с проведением мобилизационных мероприятий. Уральский материал подтверждает положение отечественной историографии о том, что волнения мобилизованных, имевшие место во время военных призывов, носили, как правило, не политический, антивоенный характер, а являлись своего рода реакцией на отмену ритуала «проводов на войну» в связи с введением в стране сухого закона. Недовольство мусульманской часть населения объяснялось тем, что мобилизации проводились без учета национальных религиозных традиций, в частности мусульманского поста. Так в сводках Вятского ГЖУ за октябрь 1915 г. сообщалось, что «отношение населения к воинским призывам по мобилизации следует признать вполне нормальным, среди жителей встречается даже сознание необходимости таковых и лишь некоторое недовольство на этой почве вызывает полицейская стража». Аналогичную информацию содержали донесения ГЖУ и других губерний Урала²¹.

Учитывая технические недостатки первых призывов, губернские и уездные власти принимали необходимые решения, широко практиковали проведение мобилизаций в торжественной обстановке, что давало свои положительные результаты. К лету 1917 г. из четырех уральских губерний были мобилизованы более миллиона человек. Как известно основным резервом пополнения армии стало крестьянство. В Оренбургской и Уфимской и Вятской, наиболее развитых в сельскохозяйственном отношении, мобилизованные составляли 47,5% трудоспособного мужского населения. Патриотизм сельского населения был более сдержанным. Многие крестьяне, провожая членов своих семей на войну, не скрывали надежды на то, что Государь Император в награду за их службу Родине дарует им некоторые льготы и улучшение их положения. Но в чем именно должны выражаться эти льготы крестьяне и сами четко не представляли, полагаясь на обычную формулу решения социальных вопросов – по указу царя²².

²¹ См. Поршнева О.С. Менталитет и социальное поведение рабочих, крестьян и солдат России в период Первой мировой войны ... С. 111–112.

²² Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале накануне Февральской революции 1917 года // К истории русских революций: события, мнения, оценки. М., 2007. С. 527.

Оставшееся в тыловой территории население городов – рабочие, служащие, интеллигенция – выражали свои патриотические настроения и готовность к единению в массовых шествиях, верноподданнических телеграммах. В то же время шовинистического угара в обществе не было. Доминировало осознание необходимости напряженного труда в борьбе против серьезного противника.

С первых месяцев войны в регионе развернулась перестройка экономики края на военные нужды. Накануне войны на Урале было лишь 8 казенных заводов, выпускавших военную продукцию. Начатое в 1912 г. на основе правительственного плана расширение металлургического и оружейного производства не было завершено, что повлекло за собой дополнительные трудности. Ускоренная милитаризация сопровождалась модернизацией цехового оборудования, как за счет технического оборудования, заказанного в 1914–1915 гг. за границей, так и собственного. Доставка станков, осложненная военными действиями, происходила с большим запозданием и потерями техники, нередко и инженеров, служащих, сопровождавших грузы. По данным исследований уральского историка А.В. Жука, из числа грузов, отправленных уральским заводам в 1915 г., до места назначения доходило не более 30% станков. Это потребовало развивать свое техническое производство. Так при участии крупного финансового капитала в годы Первой мировой войны на Урале была осуществлена техническая перестройка промышленности²³.

Новой страницей в истории промышленного развития края стало проведение эвакуационных мероприятий. Этот процесс развернулся планомерно в 1916–1917 гг. Большею частью оборудование поступило на казенные заводы, в их числе – оборудование рижского завода «Саламандра», имущество завода Лесснера и другие, всего 12 предприятий²⁴.

Затяжной характер войны потребовал реорганизации системы управления казенными заводами Урала, усиление мер государственного регулирования. В рамках Особого Совещания по обороне действовала специальная комиссия под председательством члена Госсовета и Особого совещания, крупного уральского промышленника Ф.А. Иванова (июль 1915 г.). Другим регулирующим органом стало образованное 17 октября 1915 г. Уральское заводское совещание (председатель главный начальник Уральского горного управления д.с.с. П.И. Егоров). Совместная работа государственных органов и корпоративных объединений свидетельствовали о поддержке промышленным классом внешнеполитического курса правительства, что, в конечном счете, позволило в относительно короткие сроки перевести казенное

²³ См. История Урала... С. 356.

²⁴ См. Жук А.В. Эвакуация военной промышленности на Урал в годы Первой и Второй мировых войн // Урал в стратегии Великой войны. Екатеринбург. 2000., С. 98–102.

производство на военный лад и добиться роста выпускаемой продукции. В 1915 г. казенные военные заводы Урала увеличили производство военной продукции в 2–4 раза по сравнению с 1914 г., практически достигнув желаемого результата. В 1916–1917 гг. они подняли производство еще в 2–4 раза по сравнению с 1914–1915 гг. Лидировали предприятия Златоустовского горного округа, Ижевский и Пермский пушечный заводы, многократно увеличившие выпуск военной продукции. К концу 1917 г. по сравнению с довоенным 1913 г. производство снарядов в Златоустовском горном округе выросло в 3,4 раза, холодного оружия – в 2,3 раза, шанцевого инструмента – в 16,6 раз²⁵. Ижевский завод увеличил производство винтовок практически в 6 раз. Пермский пушечный завод произвел за годы войны 31% общероссийского производства трехдюймовых пушек, 67% шестидюймовых гаубиц и другой продукции, составившей, по подсчетам Е.З. Барсукова, в целом примерно 19% всего артиллерийского орудия, выпускавшегося в стране²⁶.

Рассчитывая, и справедливо, на поддержку частного сектора, Особое Совещание приняло решение о размещении военных заказов на частных предприятиях региона. Оно нашло понимание и поддержку рядом инициатив со стороны частных заводчиков. Военное производство на собственных предприятиях предложили осуществить владельцы предприятий Ревдинского горного округа П.Г. Солодовникова, администрация Юго-Камского горного округа графини Воронцовой-Дашковой, частные предприятия и мастерские Пермского горного округа, предприятия Строгановых, кн. Абамелек-Лазарева и др. К середине 1916 г. около 80% частных предприятий Урала были заняты в производстве вооружения и военного снаряжения, выполняя заказы Главного Артиллерийского Управления, Главного Военно-технического Управления, областных и местных ВПК. Размещение военных заказов несло заводчикам и определенные выгоды, что также учитывали местные военно-промышленные комитеты. Уральский ВПК предпринимал также меры для размещения военных заказов у кустарей, оказывая им одновременно техническую поддержку²⁷.

Достигнув консолидации действий промышленных кругов в проведении ускоренной милитаризации экономики, региональные власти столкнулись с проблемой мобилизации человеческого фактора. Предстояло решить ряд сложных вопросов: обеспечивать развивающуюся военную экономику кадрами рабочих и технических служащих соответствующей квалификации, а также поддерживать готовность работать в особом – военном режиме. К концу 1914 г. большинство

²⁵ См. Жук А.В. Военная промышленность Урала в годы Первой мировой войны, 1914–1918: Дис. ... к.и.н. Екатеринбург, 2000. С. 77–78, 98, 103.

²⁶ См. Барсуков Е.З. Артиллерия русской армии (1900–1917) М. 1948. Т. 2. Ч. 3. С. 177–178.

²⁷ См. Жук А.В. Дисс. ... С. 121–126.

уральских казенных заводов перешли на круглосуточную работу, сократились выходные дни. Экономика страны и региона, в условиях крайнего напряжения сил, испытывала определенную деформацию, что отражалось на самочувствии населения.

В целях формирования трудовой мотивации, специальной правительственной комиссией с участием представителей Особого совещания, был разработан комплекс мер. Он соединил строжайший контроль военного времени и некоторое увеличение материальной заинтересованности рабочих и технического персонала, а также предоставление военной отсрочки ополченцам, увеличение цен на изделия в случае повышения их себестоимости и другие, сыгравшие свою положительную роль. В течение 1914–1915 гг. в подавляющем большинстве населения Урала преобладали патриотические настроения, вера в победу, одобрение действий правительства²⁸.

Учитывая сложности военного времени, губернские власти прилагали усилия к консолидации общества, направляя властные ресурсы на поддержку разного рода комиссий, попечительств, призванных оказывать помощь нуждающимся – семьям фронтовиков и погибших воинов, беженцам, прибывавшим в регион во все возрастающем количестве. Большую работу развернули органы местного самоуправления совместно с отделами Всероссийского земского союза (ВЗС) и Всероссийского союза городов (ВСГ) по уходу за ранеными и возвращению их в строй. Решались проблемы с размещением лазаретов, обеспечением их квалифицированными кадрами. Только в Оренбургской губернии за первый год войны было открыто 78 лазаретов на более чем 3 тыс. мест, содержавшиеся в основном силами ВЗС (54%) и другими общественными организациями и частными лицами (38%). В Уфимской губернии число коек, содержавшихся органами местного самоуправления на 1 мая 1915 г. достигало 74,7%²⁹.

Комитеты, союзы, попечительства принимали пожертвования на различные нужды армии и фронта, в которых участвовали все слои населения с первых дней войны и в последующие годы, несомненно, более трудные. Эти организации были востребованы, так как у людей сохранялось желание помочь пострадавшим от войны и неурядиц. Если не было возможности жертвовать деньгами, помогали вещами. В октябре 1914 г. в Челябинске курсировали 32 телеги, в итоге было собрано более 5 тысяч единиц одежды, 20 мешков муки, свыше 20 мешков сухарей, 10

²⁸ Поршнева О.С. Проблемы войны и мира в общественной борьбе на Урале. 1914–1918 // Первая мировая война: пролог XX века... С. 467; Вознесенская Е.И. Эволюция общественных настроений в Вятской губернии в годы первой мировой войны // Столетие истории России 1905–2005 гг. Исторический опыт, современность и перспективы. Сб. материалов науч. конф. Киров, 10 дек. 2005. Киров, 2005. С. 19.

²⁹ См. Нагорная М.С. Земское самоуправление на Южном Урале накануне и в годы первой мировой войны (1913 – февраль 1917гг.): Дисс. ... к.и.н. Курган, 1999. С. 114–115, 161.

ящиков табака и папирос, большое количество продовольствия. Сборы средств на нужды войны проводились и в деревнях³⁰.

На поддержание боевого духа и неприязни к противнику были направлены меры губернских органов власти в отношении оживившихся антигерманских настроений. Эти лозунги поддерживала часть средней и мелкой буржуазии, страдавшая от конкуренции торговцев и ремесленников немецкого происхождения. Кроме того, сосредоточение в регионе значительного числа запасных, среди которых было немало лиц немецкого и турецкого происхождений, создавало основания для дополнительной напряженности в отношениях с местным населением. Так, только в Оренбурге было размещено 16,8 тыс. человек, в Вятской губернии в октябре 1915 г. – свыше 10 тысяч человек, в том числе значительная их часть – в Вятке. По сведениям вятского губернского жандармского управления многие из них принадлежали к «состоятельному классу» и вели «широкий и разгульный образ жизни», диссонировавший с традиционным образом жизни провинции, особенно в условиях войны. На этой почве имели место столкновения с местным населением. Так, под давлением общественного мнения управляющий Вятской губернией барон Тизенгаузен распорядился в ноябре 1915 г. выслать из Вятки и местностей, прилегающих полосой в 50 верст к линии железной дороги военнообязанных немецкой и турецкой национальностей. Проявляя повышенную бдительность, уральские рабочие и обыватели выражали недоверие к инженерам и другим работникам технических служб, рабочим, носившим немецкую фамилию, и требовали увольнения их с заводов³¹. Нередко эти увольнения принимали массовый характер³².

В исследованиях последнего десятилетия в целом положительно оцениваются действия губернских административных органов власти по мобилизации ресурсов для нужд фронта³³. В то же время, в работе по обеспечению жизненно важных интересов населения, возникали серьезные трудности, в том числе объективного характера, преодолеть которые в полной мере им не удалось.

Одна из ошибок явилась следствием просчетов в характере и сроках войны, представлении о ней как кратковременной схватке противников. На практике это привело к мобилизации значительной части квалифицированной рабочей силы с заводов Урала, что обострило проблему обеспечения их квалифицированными кадрами и планомерного

³⁰ См. Нагорная М.С. Указ. Соч. С. 178–179.

³¹ Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 1–1 об.; История Оренбуржья. Оренбург, 1996. С. 163.

³² Таковых в Златоустовском заводе было: 23,53% от общего числа служащих, 6,45% мастеров, 4% рабочих, лаборантов и практикантов // См. Жук А.В. Указ. соч. С. 97.

³³ История Урала ... С. 356; Казаковцев С.В. Мобилизация людских и материальных ресурсов в Вятской губернии в годы первой мировой войны Дис. ... к.и.н. Киров, 2007. С. 184; Рязанский И.В. Тыловая российская провинция в условиях Первой мировой войны (Южный Урал в июле 1914 – феврале 1917 гг.). Дис. ... к.и.н. Челябинск, 2006. С. 200.

наращивания выпуска военной продукции. Только в результате первых мобилизаций запасных с заводов ушло 12,5% рабочих, а всего за первый год войны – 23,3% рабочих и 43,7% рабочих, занятых во вспомогательных отраслях, обеспечивавших заводы топливом и рудой³⁴. Вместо ушедших на фронт на все возрастающее производство военной продукции стали прибывать рабочие из Москвы, Петрограда и других промышленных центров. Со второй половины 1915 г. стали привлекать к работе на военных предприятиях, согласно решениям правительственной комиссии с участием представителей Особого совещания (1915 г.) труд военнопленных. Решение топливной проблемы за счет мобилизации крестьян на вывозку дров и сырья, наряду с гужевой повинностью, тяжелым бременем легло на подорванное войной хозяйство крестьян, являясь дополнительным фактором нарастающего протеста с их стороны.

Количественные и качественные изменения состава рабочего класса Урала создавали определенные сложности в поддержании патриотических чувств. Затягивание войны с ее особым режимом напряжений и лишений вызывало нарастающую физическую и психологическую усталость. Статистические данные свидетельствуют, что реальная зарплата уральских рабочих упала к февралю 1917 г. на 50%, что было на 15–20% больше, чем у петроградских и московских рабочих³⁵. В этой связи в регионе со второй половины 1915 г. наблюдалось оживление рабочего движения на экономической почве³⁶.

Недостаточными были усилия местных органов власти в преодолении обострившихся социальных вопросов, снятых на время начала войны, а также порожденных ею, таких как дороговизна, продовольственная проблема, работа железнодорожного транспорта и другие. В 1916 г. на Урале резко возросло недовольство обеспечением продовольствием и ростом цен на продукты и товары, о чем сообщали в департамент полиции губернаторы уральских губерний³⁷. В деревне наблюдалось постепенное распространение открытого сопротивления мобилизационным мероприятиям. В ряде уездов крестьяне выступили против поставок зерна, скота и мяса. Все чаще приходилось использовать солдат для выполнения военных заказов³⁸.

На почве неудовлетворенности действиями местной и центральной власти стала нарастать тенденция «стихийного пораженчества», зарегистрированная в отчетах губернских жандармских управлений (ГЖУ). Так, ротмистр Богданович (Вятское ГЖУ) сообщал в декабре 1915 года: «... среди крестьян стало замечаться желание скорейшего

³⁴ См. История Урала ... С. 355.

³⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 22; История Урала ... С. 213.

³⁶ См. Юдина Л.С. Стачечное движение на Урале в июне 1907 – октябре 1917. М., 1997.

³⁷ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 125. Д. 108. Ч. 81. Л. 5 об.

³⁸ См. Казаковцев С.В. Указ. Соч. С. 183.

заклучения мира, но это сами крестьяне объясняют не неудачами нашими на войне, а лишь отсутствием в семьях работников и надвигающимися заботами их о весенних полевых работах. В этой же связи мобилизация ратников государственного ополчения второго и первого разрядов, призыв студентов вузов в сентябре 1916 г. отразились неблагоприятно на фоне общего патриотического настроения»³⁹.

И все же, несмотря на то, что к началу 1917 г. в уральском обществе усилились настроения подавленности, вызванные затягиванием сроков войны и связанными с этим каждодневными проблемами, их обсуждение не выходило «пределов обычного обывательского суждения»⁴⁰.

В деле поддержания патриотических настроений общества губернские власти уделяли большое внимание периодической печати. В годы войны усилилась тяга простого человека к печатному слову, в котором он искал поддержку в своих надеждах на скорое и успешное завершение войны. В июле 1914 г. при главном управлении по делам печати был создан особый комитет народных изданий. С первых дней войны начали выходить новые периодические издания военной тематики, важнейшими задачами которых являлось информационное сопровождение войны и тыловой стороны жизни. Распространенной формой агитации стали листовки. Так, при Вятском губернском присутствии был налажен выпуск специальных листовок «Извещения о ходе войны», проникавшие в самые глухие деревни и селения⁴¹. На первом этапе войны основное внимание печати уделялось обоснованию внешнеполитических целей войны, освещению хода военных действий, формированию образа внешнего врага. В Вятской губернии был образован специальный комитет по изданию летописи губернии в эпоху Великой войны, почетным председателем которого был избран губернатор А.Г. Чернявский, а председателем – вице губернатор Д.О. Тизенгаузен⁴².

Печатные издания призывали к единству и забвению «внутренних распрей». Последовательно эти идеи проводила умеренно-консервативная печать, представленная в регионе, преимущественно, официальными губернскими и епархиальными ведомостями, а также неофициальными приложениями к ним. Наиболее доступной являлась церковная печать. Еще в довоенный период на Урале существенно расширилась сеть библиотек при приходских храмах, особенно в городах. По данным отчета обер-прокурора Св. Синода в уральских епархиях в 70% общего числа церквей имелись приходские библиотеки⁴³. Церковная печать оказалась наиболее влиятельной, так как имела свой особый арсенал воздействия и,

³⁹ Сидоренко Н.С. Монархическое движение на Урале накануне Февральской революции ... С. 531.

⁴⁰ Рязанский Указ. Соч. С. 197–198.

⁴¹ Ф. 102. Оп. 245. Д. 167. Ч. 17. Л. 1.

⁴² Казаковцев С.В. Указ. Соч. С. 59.

⁴³ Подсчитано нами по: Всеподданнейший отчет обер-прокурора Св. Синода по ведомству православного исповедания за 1905–1907 гг. СПб., 1910. С. 8–13.

как следствие, – большее проникновение в сознание и душу читателей. Такие газеты благославляли на ратные подвиги свою паству и славили героев-воинов⁴⁴.

Либеральная печать по сравнению с предыдущим периодом в количественном отношении существенно не изменилась, но с лета 1915 г. значительно усилила оппозиционный тон. Не отрицая идеи патриотизма и защиты Отечества, стала трактовать их как производные глубоких преобразований существующего строя. В числе наиболее оппозиционных были издания кадетского направления: «Вятская речь», «Кама», «Зауральский край», «Исеть», «Уфимский вестник» и «Уфимская жизнь». Оппозиционная печать одновременно подвергала резкой критике действия консерваторов, сторонников внутренней и внешней политики правительства. «Правая кампания» характеризовалась ими как глубоко антипатриотическое дело⁴⁵.

Стремясь противостоять воздействию умеренно-консервативной печати на сознание уральского общества, либералы, получившие на выборах 1912–1915 гг. в земских органах управления определенное преобладание, пошли на беспрецедентные меры закрытия библиотек-читален. Поводом послужило решение правительства передать их под контроль инспекторов училищ. Так, в 1915 году Уфимским губернским земством было закрыто 664 библиотеки; шестью уездными земствами Вятской губернии – 220, а Вятское губернское земство отказалось субсидировать оставшиеся. «Вятские и уфимские земцы прекратили доступ населения ко всякой книге» – резюмировал местный орган умеренно консервативного направления – Уфимский край⁴⁶. Недостаток информации, связанный, в том числе, с цензурными ограничениями, породил слухи, создавал почву для искажения известий о положении на фронтах, настроении солдат, о действиях гражданской и военной власти.

Идейная борьба постепенно захватила и те общественные организации, которые возникли в ходе войны и были направлены на оказание помощи армии и фронту – местные комитеты ВПК, отделы ВЗС и ВСГ. Кадеты, заняв в них ряд ключевых позиций, использовали их в целях агитации в поддержку программы и тактики Прогрессивного блока⁴⁷.

Программа и требования блока, решений Московской городской думы были поддержаны и большинством уральских земств и органов самоуправления. Так, в газете «Оренбургское слово» от 25 августа 1915 года появилась статья с громким названием – «Новая эра». В ней

⁴⁴ См. Бережной А.Ф. Русская легальная печать в годы Первой мировой войны. Л., 1975. С. 28, 42.

⁴⁵ ГАРФ. Ф. 102. Оп. 247. Д. 244. Л. 9–9об.; Оренбургское слово. 1915, 8 нояб., 10 дек.

⁴⁶ Сидоренко Н.С. Эволюция думской тактики уральских депутатов в условиях Первой мировой войны // Таврические чтения 2012. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Международная научная конференция, С.-Петербург, 19 окт. 2012 г. Сб. науч. статей. СПб. 2013. С. 247.

⁴⁷ См. Сидоренко Н.С. Уральские монархисты в 1907–1917 гг. Политические партии в российских революциях в начале XX в. М., 2005 С. 441.

сообщалось о решении Оренбургской городской думы, которая в чрезвычайном заседании от 23 августа 1915 г. присоединила свой голос к «голосу собирательницы земли русской» и направила телеграмму на имя монарха. В ней говорилось, что создание правительства, пользующегося доверием страны, является «единодушным желанием страны и всего русского народа во имя спасения Родины»⁴⁸.

Более оживленной становилась внедумская пропагандистская работа уральских депутатов – кадетов и прогрессистов, вошедших в состав блока. Так, в октябре 1915 г. с докладом о вопросах войны, работы Всероссийских Земского и Городского союзов, отношении местного общества к их работе и работе местных земств выступил перед многочисленной публикой г. Верхнеуральска оренбургский депутат-прогрессист М.И. Гродзицкий. В своем сообщении он подчеркнул, что «успех работы земств зависит от деятельного участия местного общества в форме полезного сотрудничества и контроля» и призвал присутствующих активизировать свое участие в ней⁴⁹.

Призрачность надежд на склонение власти к компромиссу в кратчайшие сроки – уже в ходе войны – усиливала рост радикальных настроений в этой среде. Так, в решениях Саратовского областного съезда КДП 10–11 октября 1915 г. с участием представителей от Урала было предложено вместо ориентации на Прогрессивный блок, выдвинуть основным тактическим лозунгом требование «изоляции правительства» и «организацию масс», ориентируясь на контакты с социалистическим движением. Эти же идеи настойчиво проводил представитель левого течения Екатеринбургского кадетского комитета, председатель рабочей комиссии Уральского ВПК – Л.А. Кроль – на VI съезде КДП в феврале 1916 г. Он настаивал на необходимости для партии больше прислушиваться к голосу демократии и не отказываться от возможности использования революционных методов борьбы⁵⁰.

На волне протестного движения малоимущих слоев общества активизировалась деятельность подпольных комитетов социалистических партий, восстановление которых закончилось к лету 1915 г. Документы департамента полиции свидетельствуют об усилении их влияния в легальных рабочих организациях и, в первую очередь, в кооперативах, получивших мощный импульс развития в годы войны. В 1915 г. в Вятской губернии насчитывалось 600 кооперативов (из них 450 кредитных товариществ), объединявших до 12 тыс. человек, в Пермской – 538⁵¹.

Уральские организации РСДРП наладили выпуск нелегальных листовок и антивоенных прокламаций (не менее 27), которые

⁴⁸ Оренбургское слово. 1915, 25 авг.

⁴⁹ Оренбургское дело 1915, 9 окт.

⁵⁰ Сидоренко Н.С. Эволюция думской тактики уральских депутатов... С. 242–243.

⁵¹ См. Сидоренко Н.С. Уральские монархисты в 1907–1917 гг. ... С. 531

распространялись не только в тыловой уральской периферии, но и в действующей армии. В листовках они осуждали войну как «империалистическую», «захватническую» и призывали трудящихся объединяться в борьбе за свои интересы. Большевики развернули агитацию против участия рабочих в работе ВПК и за бойкот выборов их представителей в них. В итоге в проходивших на Урале в мае 1916 г. выборах в рабочие группы при ВПК приняли участие только 35% рабочих. Сорвалась и кампания по проведению подписки на военный заем⁵².

Особые опасения местных властей вызывала активизация пропагандистской работы большевиков в запасных полках, куда они направляли самых закаленных и опытных работников. Ответными мерами губернских властей стали аресты. Была прекращена деятельность Екатеринбургской, Златоустовской, Ижевской и других парторганизаций. В воинские части были разосланы специально разработанные инструкции по борьбе с революционной пропагандой. Путем ускоренной отправки пополнений на фронт командованием была проведена своего рода «чистка» тыловых гарнизонов. На случай возникновения беспорядков в гарнизонах губернских и ряде уездных городов были сформированы роты «особого назначения». К соблюдению порядка были привлечены Донские казачьи особые конные сотни⁵³.

Безоговорочную поддержку действия местной администрации имели среди сторонников консервативных союзов – Союза русского народа (СРН), Русского народного союза им. Михаила Архангела (РНС), местных комитетов Всероссийского национального союза (ВНС). Уральские консерваторы, будучи наиболее массовыми, по сравнению с другими политическими течениями региона, были организационно разобщены, что значительно ослабляло их влияние. В условиях войны их ряды существенно сократились в связи с уходом на фронт или полного переключения на оказание посильной помощи нуждам армии и тыла. В 1915 – феврале 1917 гг. зафиксирована активность только 11 право-монархических комитетов, объединявших около 400 чел.⁵⁴ Кроме того, ухудшение материального положения и необходимость борьбы за выживание объективно сужало социальную базу консервативных союзов.

К концу 1916 – началу 1917 г. концепт патриотизма и защиты Отечества под воздействием общественно-политического фактора стал рассматриваться политически активной частью общества как производные глубоких преобразований существующего строя. Это неизбежно вело к росту противоречий между губернской администрацией, с одной стороны, и органами местного самоуправления, общественными и корпоративными

⁵² История Урала... С. 363–364; Поршнева О.С. Указ. Соч. С. 468.

⁵³ История Урала... С. 366–367.

⁵⁴ См. Сидоренко Н.С. Монархические партии и промонархические организации Урала в процессе эволюции государственно-политической системы России в начале XX века. Дисс. ... докт. истор. наук. М., 2006. С. 94.

организациями, работавшими на нужды войны – с другой. Раскол в рядах региональной политической элиты отражал общероссийскую тенденцию и нашел свое продолжение в событиях Февраля 1917 г.

Так, председатель Особого Совещания по обороне по Уральскому району приветствовал факт свершения Февральской революции и выразил в телеграмме председателю Особого Совещания А.И. Гучкову намерение с удвоенной энергией работать на нужды мировой войны⁵⁵. В числе первых губернских комиссаров на Урале были: в Пермской губернии – А.Е. Ширяев – председатель Пермского областного ВПК, в Вятской – П.Т. Саламатов, кооператор, земский деятель эсер; в Оренбургской – эсер Н.В. Архангельский; в Уфимской – П.Ф. Коропачинский – председатель губернской земской управы, уполномоченный губернского отделения Особого совещания по продовольственному вопросу, сочувствующий кадетам⁵⁶.

Февральские события 1917 года были встречены уральскими промышленниками в целом положительно. Как и класс промышленников в целом, они считали, что оковы для развития предпринимательства сняты. Весной – летом 1917 г. в регионе наблюдался определенный всплеск патриотических настроений, связанных с идеей революционного оборончества, заключения демократического мира без аннексий и контрибуций. Решения в подобном духе приняли областной съезд Советов рабочих и солдатских депутатов (СРиСД) (Пермь, 8–13 мая); губернские крестьянские съезды Вятской и Уфимской губерний (май – июнь 1917 г.), корпоративные объединения уральской интеллигенции. Идеи оборончества придерживались до августа 1917 г. большинство тыловых гарнизонов Урала⁵⁷.

Возникшие в ряде промышленных центров Урала СРиСД с первых дней добивались незамедлительной демократизации производственных порядков, обложили владельцев заводов своеобразным налогом на содержание революционных организаций. Только с февраля по июнь по 35 предприятиям Урала в кассы революционных организаций было выплачено свыше 600 тыс. рублей⁵⁸. В условиях военного времени это негативно влияло на работу предприятий, вело к усилению политической конфронтации, в том числе в рабочей среде. По учету Совета съездов горнопромышленников Урала, к середине 1917 года ими было удалено 144 администратора⁵⁹. По приговорам цехов изгонялись не только инженеры и директора, но и рабочие-монархисты. Воздействие механизма

⁵⁵ См. Жук А.В. Указ. соч. С. 97.

⁵⁶ См. ГАРФ. Ф. 1788. Оп. 2. Д. 91.Л. 12, 30, 65; Д. 126. Л. 10–20 об.

⁵⁷ Поршнева О.С. Указ. Соч. С. 471.

⁵⁸ См. Первухина К.М. Советы рабочих и солдатских депутатов Урала на пути к октябрю // Борьба за победу и укрепление Советской власти. М., 1966. С. 32–33.

⁵⁹ См. Рабочий класс Урала в годы войны и революций. Свердловск, 1927. Т. 2. С. 62–63.

конформизма ужесточалось. Тот, кто не присоединился к мнению большинства, рисковал местом на заводе, свободой и жизнью⁶⁰.

С победой Октябрьской революции в Петрограде новые органы власти на Урале переходят к политике конверсии. В декабре 1917 г. была произведена «демократизация» состава Уральского заводского совещания в основном за счет представителей екатеринбургского СРиСД. Вскоре оно было признано областным органом ВСНХ на Урале (председатель большевик В.Н. Андронников). Уже в декабре 1917 г. практически прекратил выполнение военных заказов Пермский пушечный завод. Попытки противодействовать политике Советов привели к аресту 9 января 1918 г. бывших членов Совета Съездов горнопромышленников Урала. Дальнейшее наступление на капитал вылилось в практику национализации промышленных предприятий. К июлю 1918 г. были национализированы 25 из 34-х горных округов Урала, объединявшие более 4340 предприятий, свыше 200 рудников и около 20 пароходств⁶¹.

Политику национализации и ускоренной демобилизации военной промышленности Урала заводская администрация и часть рабочих восприняли неоднозначно. Большинство их при этом теряло рабочие места, безработица грозила работникам рудников и заготовщикам горючего материала. Назревало недовольство новой властью, вылившееся в форму гражданской войны, в ходе которой содержание патриотизм трансформировалось под влиянием классово-политического фактора.

Таким образом, Первая мировая война вызвала к жизни яркое проявление патриотических чувств, охвативших различные социальные группы населения страны. Не был исключением в этом отношении и тыловой регион Урала. Губернская администрация, органы местного самоуправления совместно с общественными и корпоративными объединениями сумели объединить эту энергию и направить ее на решение основных задач по обеспечению фронта необходимым вооружением и боеприпасами. Вклад Урала в борьбу с германским милитаризмом был значителен. В годы Первой мировой войны Урал дал 47% всей вырабатываемой в стране снарядной стали, 21% проволоки, 15% сортового железа, 31% артиллерийских скорострельных орудий, 67% крепостных гаубиц, 12% артиллерийских снарядов, 43% винтовок. К концу войны доля уральских предприятий в военном производстве России составила более 30%⁶².

⁶⁰ См. Богомолов А.И. Представления и мотивация политического поведения рабочих-монархистов начала XX в.: по материалам Урала // Социологические исследования. 2007. № 2. С. 152.

⁶¹ История народного хозяйства Урала. Свердловск, 1988. Ч. I. С. 25.

⁶² См. Жук А.В. Указ. Соч. С. 154.

Патриотический настрой общества позволил мобилизовать и отправить на фронт только из сельской местности около 1,3 млн. воинов⁶³. Многие из них были отмечены высокими воинскими наградами.

Затяжной характер войны вызвал крайнее напряжение экономики страны и региона, резкие диспропорции и нарушение привычного уклада жизни, которое с жертвенной готовностью преодолеvalo население региона. Подавляющее большинство рабочих, крестьян, интеллигенции и служащих поддерживало меры царского правительства и губернской администрации по мобилизации ресурсов на нужды военного времени.

Широкий размах благотворительности, в которой участвовали представители всех социальных групп общества, формы помощи и самопомощи были ярким проявлением нравственной составляющей народного патриотизма, нашедшей поддержку и организованное применение в деятельности губернских административных и общественных органов.

Несмотря на распространение «патриотической тревоги» в условиях затягивания войны и роста экономических трудностей, губернской администрации и органам самоуправления совместными усилиями удавалось поддерживать хрупкое единение общества, опираясь на патриотически настроенную ее часть и применяя в ряде случаев меры административного воздействия.

Революционный выход России из войны и заключение Брестского мира явились резким разрывом с предшествовавшими установками в сознании и поведении уральского общества. В результате выполнения политики конверсии, начатой Советской властью в январе 1918 г., значительные производственные мощности по выпуску военной продукции, созданные на Урале в 1914–1916 гг., остались неиспользованными. Произошла глубокая трансформация содержания понятия «патриотизм».

⁶³ Попов Н.Н., Поршнева О.О. Первая мировая война // Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург, 1998. С. 396.